

К ВОПРОСУ О РЕЛЕВАНТНОСТИ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ XX–XXI ВЕКОВ

М. Р. Дисько-Шуман

Проблема определения рациональности и ее критериев является одной из ключевых на протяжении всей истории философии. Данный вопрос не утратил своей актуальности и в рамках современной философии, о чем свидетельствуют публикации научных статей и монографий, организация конференций и семинаров по теме [1]. С позиции

концептуального подхода основной задачей становится определение природы рационального и выделение критериев, которые бы позволили однозначно оценить феномен, вывод, действие в оппозиции рациональное / нерациональное. В рамках данной парадигмы формируются критериальный и критико-рефлексивный подходы к определению рациональности. Для обоих подходов объектом и, в некотором смысле, идеалом выступает научная рациональность. И хотя критериальный подход, в основе которого лежит допущение о принципиальной возможности демаркации рациональное / нерациональное (научное / ненаучное), подвергся значительной критике [2], тем не менее полученные результаты вносят существенный вклад в понимание природы рациональности. Критико-рефлексивный подход в определенной степени призван преодолеть недостатки критериального подхода, допустив изменение, трансформацию, развитие рациональности в контексте реальной практики науки с учетом социокультурного контекста ее формирования. Критико-рефлексивный подход позволяет выделить различные типы (виды) научной рациональности, соответствующие определенным периодам развития науки, например, классическая-неклассическая-постнеклассическая рациональность [3], открытая-закрывающаяся рациональность [4].

Историко-философский анализ тенденций развития философии в XX веке позволяет проследить основания указанных подходов. Формирование философско-методологической парадигмы анализа природы рациональности, прежде всего в советский и постсоветский периоды, связан с двумя основными факторами. Во-первых, в качестве внешнего фактора следует указать своеобразную «абсолютизацию» науки и ее роли в социальных процессах. И если в рамках философии критика веры в безграничные возможности разума и научного прогресса – это явление, характерное для второй половины XIX века, то в мировоззренческих основаниях культуры «вера в прогресс, разум и науку» сохраняется вплоть до настоящего времени. Во-вторых, в качестве внутреннего фактора можно рассмотреть влияние идей философии позитивизма (нео – и постпозитивизма), в рамках которой формируются две фундаментальные идеи: о науке как высшей форме познавательной деятельности и ее исключительном значении для социально-преобразовательной деятельности человека; и о роли философии по отношению к науке, заключающейся в логико-методологическом анализе научного знания (логический анализ языка науки в неопозитивизме, методологический анализ структуры и динамики научного знания в постпозитивизме). Рассмотренные основания позволили сформировать «методологический подход к проблеме рациональности» [5]. Методологический подход к решению вопроса о природе рационального не выходит за рамки когнитивно-инструментального понимания разума,

характерного для всей философии модерна.

В философии XX века формируется ряд направлений и школ, выступивших как с тотальной критикой, так и с идеей преодоления ограниченности когнитивно-инструментальной трактовки рациональности. К наиболее значимым относятся постструктурализм, теория деконструкции, неопрагматизм, философская концепция Франкфуртской школы. «Общим местом» для данных направлений является попытка переосмысления и переоценки фундаментальных оснований самой философии, таких концептов как рефлексия, рациональность, структура, метод. Ситуацию постмодерна в философии можно сравнить с кризисом оснований математики на рубеже XIX–XX века. В философии Франкфуртской школы Ю. Хабермасом была предложена концепция «коммуникативного действия», в которой рациональность понимается уже не столько как инструмент и гарант в лице логики, познавательной и преобразовательной деятельности человека, сколько как способ эффективного социального взаимодействия на основе достижения консенсуса. Такое понимание природы рационального обеспечивает новые возможности для анализа рациональности как многомерного феномена, с учетом не только ее логической размерности, но также коммуникативной, аксиологической, нормативной, лингвистической и др., открывая тем самым горизонты для формирования универсальной стратегии коммуникативной рациональности в философии и культуре.

Литература и источники

1. Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции: сб. ст.; отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2012. – 233 с.
2. Порус, В. Н. Парадоксы научной рациональности и этики / В. Н. Порус // Научные и вненаучные формы мышления: сб. ст.; под ред. И. Т. Касавина, В. Н. Поруса. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 168–185.
3. Степин, В. С. Типология научной рациональности и синергетика / В. С. Степин // Філософія освіти. Philosophy of Education. – 2017. – № 1 (20). – С. 6–30.
4. Швырев, В. С. Рациональность как ценность культуры / В. С. Швырев. – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – 176 с.
5. Порус, В. П. Многомерность рациональности / В. П. Порус // Эпистемология и философия науки. – 2010. – № 1, Т. 23. – С. 5–16.